

Т О Б О Л Ъ С К І Я

Е П И С К О П С К І Я В Ъ Д О Ж О С Т И.

№ 7.

1 апрѣля 1898 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Характеристика православія, римско-католичества и протестантства. (*)

Краткій историческій очеркъ православія.

Вопросъ, пронически заданный Спасителю скептикомъ — Пилатомъ „что есть истина?“, всегда волновалъ и волнуетъ умы чело-вѣческіе. Было сдѣлано и дѣлается много попытокъ отвѣтить на него и доказательствомъ истинности отвѣта не разъ служили мечъ, пытки, войны, насилія. Съ одинаковой претензіей на истинность отвѣчали на этотъ вопросъ и религіи и наука. Признавъ за достовѣрно доказанное положеніе, что основы нашего знанія покоятся на вѣрѣ, что на коренные вопросы ума чело-вѣческаго можетъ отвѣтить только она, мы оставляемъ въ сторонѣ отвѣты науки, какъ оперирующей исключительно надъ фактами и обратимся къ религіи, считающей основой своей вѣру, къ религіи въ ея чистѣйшемъ видѣ, къ религіи христіанской. Но и здѣсь мы не находимъ единства въ отвѣтъ на вопросъ „что есть истина?“ Три вѣроисповѣданія отстаиваютъ истинность своего отвѣта, три вѣроисповѣданія ведутъ между собой борьбу изъ-за этого, и еще не такъ давно въ рукахъ одного изъ вѣроисповѣданій убѣдительно-ѣйшимъ аргументомъ истинности его являлось насиліе надъ иновѣрцами.

Еще Тертуліанъ въ доказательство права на существованіе христіанства какъ религіи прибѣгалъ къ закону о давности. Намъ не

(*) Чтеніе для интеллигентной публики въ залѣ архіерейскаго дома 8 марта 1898 года.

приходится отстаивать права на существованіе. Но этотъ законъ давности можетъ намъ пригодиться: каждое изъ вѣроисповѣданій претендуетъ на вѣрность временамъ Христа и апостоловъ, на сохраненіе въ себѣ всего того, что завѣщено ими. Въ такомъ случаѣ исторія лучшей, безпристрастный свидѣтель: она покажетъ, къ кому приложимъ законъ давности, а, слѣдовательно, и истинность отвѣта на основные вопросы человѣческаго духа. Къ ней мы и обратимся.

За нѣсколько вѣковъ до Рожд. Хр. исторически извѣстные народы представляютъ изъ себя слѣдующую картину: всѣ они тѣснятся преимущественно къ берегамъ Средиземнаго моря, селясь по нимъ; живутъ они особнякомъ, съ своей религіей, своей культурой, съ своей внутреннею жизнью. Сношенія съ сосѣдями не выходятъ за предѣлы торговыхъ и военныхъ сношеній. Предъ появленіемъ христіанства картина мѣняется. Всѣ разрозненные чужіе другъ другу народы объединяются въ одной римской имперіи. Человѣкъ перестаетъ быть чужимъ въ отношеніи къ другому человѣку: его интересы переплетаются съ интересами милліона его согражданъ. Все богатство отдѣльныхъ народовъ выплываетъ наружу: греки и отдаленные восточные народы оказываютъ свое вліяніе на побѣдителей, перенимая отъ нихъ выработанныя послѣдними характерныя черты культуры. Но всетаки это объединеніе было чисто внѣшнее: оно основывалось на грубой физической силѣ. Мечъ Рима, какъ Дамокловъ мечъ, висѣлъ надъ каждою личностію, убѣдительно говоря о единствѣ великой, могучей римской имперіи. Это объединеніе имѣло все-же громадное значеніе: оно внесло въ сознаніе народовъ идею ихъ гражданскаго единства; нѣсколько позднѣе-идею единства рода человѣческаго. Оно было подготовительною ступенью къ болѣе высшему единству — единству духовному, къ сознанію, что всѣ люди — дѣти одного Отца небеснаго и, слѣдовательно, братья между собою. Идея этого духовнаго родства и единства была принесена на землю Спасителемъ, потому что Онъ одинъ могъ съ достовѣрностію говорить объ истинномъ отношеніи Бога къ людямъ, будучи Самъ въ непосредственномъ отношеніи къ Нему. Незначительная группа людей, воспринявшая всѣмъ своимъ существомъ идею единства всѣхъ людей въ Богѣ, подчинившая себя Христу и Его ученію Его завѣтамъ, совершила чудо. Къ концу IV в. одинъ изъ римскихъ

императоровъ не иначе называлъ языческую религію, какъ религіею поселянъ, а въ началѣ V в. другой римскій императоръ серьезно сомнѣвался существуетъ ли въ его имперіи гдѣ-либо язычество? (*) Христіанство завоевало римскую имперію не огнемъ и мечемъ, а истинностію вѣры и чистотою нравственности. И было время. Вышнее единство, основанное на физической силѣ, падало подъ ударами той же физической силы. Новыя силы варваровъ со всѣхъ сторонъ надвигались на нее. Но паденіе римской имперіи не страшно было человѣчеству: ему передано было духовное сокровище, предъ которымъ безсильны огонь, мечъ, вода. Варвары одолѣли римскую имперію и на правахъ побѣдителей могли захватить все, что было дорогого въ ней. Они разграбили ее, захватили все, что могли. Но среди всѣхъ сокровищъ, быть можетъ незамѣтно для себя, они присвоили себѣ сокровище сокровищъ — христіанство. Побѣжденные стали побѣдителями въ духовномъ отношеніи.

Что же дало христіанству такую силу? Церковь, какъ блюститель вѣрности христіанства самому себѣ, какъ носительница завѣтовъ Христа и апостоловъ, какъ высшій на землѣ судія и законодатель, какъ лучшій администраторъ.

Маленькая христіанская община постепенно все росла и множилась. Она уже считала членовъ своихъ не десятками, а тысячами. Они разсѣяны были почти по всему лицу римской имперіи отъ дальней Испаніи до роскошной Персіи, отъ жаркой Африки до туманной Британіи. Они проникли во всѣ слои общества отъ двора кесаря до лачуги послѣдняго невольника. Эта община была строго организована. Раздѣленная на парикіи, она подчинялась своимъ епископамъ, какъ главнымъ руководителямъ; представительная грамота епископа имѣла значеніе утвержденія христіанской личности извѣстнаго лица. Но и епископы въ свою очередь имѣли свою градацію. Въ спорныхъ случаяхъ, касавшихся обрядовъ и обычаевъ, обращались къ кафедрамъ, основаннымъ апостолами, и епископамъ ихъ предоставлялось право чести. Такъ было въ спорахъ о времени празднованія Пасхи, когда малоазійскіе епископы ссылались на авторитетъ ап. Филиппа и Іоанна, время празднованія Пасхи которыми свято сохранялось въ церкви

(*) Церк. Ист. Фрид. Гассе т. 1, стр. 109.

ефесской; а римскій епископъ—на авторитетъ своего предшественника, ап. Петра. Это право чести постепенно переходитъ въ право власти, но не болѣе какъ въ отношеніи суда и администраціи. Въ случаяхъ же споровъ догматическихъ, когда затрагивалась законодательная область, рѣшителемъ ихъ являлась вся Церковь, которой одной принадлежитъ полнота истины. На соборахъ были предсѣдатели, были почтенные, уважаемые епископы, но они не были вѣщателями голоса Божія. Они являлись только свидѣтелями той вѣры, которую исповѣдывала ихъ помѣстная церковь. По окончаніи собора они давали строгій отчетъ какъ въ своей дѣятельности, такъ и въ принятой соборомъ вѣрѣ. Евсевій кесарійскій съ собора еще шлетъ посланіе своей паствѣ о ходѣ дѣлъ на соборѣ. Заподозрѣнный въ еретичествѣ епископъ переставалъ быть епископомъ въ глазахъ церкви.—Св. Мелетій антiохійскій по одному подозрѣнію долго оставался въ Антіохіи номинальнымъ епископомъ, признаннымъ только небольшою партіею. Георгій каппадокіянинеъ александрійскій былъ убитъ народомъ столько же за свою жестокость, сколько и за еретичество. Папа Вигилій сильно боялся западныхъ епископовъ, которымъ онъ долженъ былъ дать отвѣтъ о постановленіяхъ V вселенскаго собора. Въ связи съ этимъ стоятъ требованія Никейскаго вселенскаго собора 15 пр. и Антіохійскаго собора 21 пр., чтобы епископъ не перемѣщался съ своей катедры ни подъ какимъ предлогомъ: въ такомъ только случаѣ онъ могъ быть точнѣе выразителемъ своей церкви, съ которой сжилъ, съ которой составляетъ одно.

Начавшаяся внутренняя организація церкви шла своимъ порядкомъ. Изъ всѣхъ епископскихъ катедръ къ IV вселенскому собору выдѣляются пять: римская, константинопольская, антiохійская, александрійская и іерусалимская. Вся церковная территорія была раздѣлена на пять патріархій и каждому изъ патріарховъ были предоставлены извѣстныя права не только чести, но и власти. Какъ и раньше эта власть шла не далѣе администраціи и суда. Имъ подчинены были митрополиты ихъ округа, надъ которыми они имѣли право суда и надзора. Надзоръ и требованіе отчета во всемъ, что касается нравственности и вѣры не только духовенства, но и мірянъ, принадлежалъ имъ же. Избраніе и посвященіе митрополитовъ зависѣло отъ нихъ же. Главное, эта власть не была конечною, безапелляціонною.

Патріархъ не былъ главою даже своей помѣстной церкви, не только вселенской. Онъ можетъ считаться главнымъ столпомъ церковнымъ, кардиналомъ церкви, т. е. тѣмъ крюкомъ, на которомъ движется главный остовъ церкви. Они — тѣ же епископы, свидѣтели истинности вѣры своей церкви. Но ихъ личность не всегда гарантія истинности Церкви, равно какъ и наоборотъ. Сколько было еретичествовавшихъ епископовъ, но Церковь отъ нихъ не умалилась, не утратила ни частички своей истины. Только общій голосъ ихъ былъ голосомъ истины. Оттого на вселенскихъ соборахъ мы чаще всего встрѣчаемъ или ихъ самихъ, или ихъ представителей. На III вселенскомъ соборѣ присутствуютъ Кириллъ александрійскій, Ювеналій іерусалимскій, Іоаннъ антїохійскій и легаты папы Палестина; на IV вселенскомъ соборѣ — Анатолій константинопольскій, Домнъ антїохійскій, Ювеналій іерусалимскій и легаты папы Льва V.; на V вселенскомъ соборѣ — Евтихій константинопольскій, Аполлинарій александрійскій, Доминикъ антїохійскій и вмѣсто іерусалимскаго патріарха — три палестинскихъ епископа; на VI вселенскомъ соборѣ — константинопольскій Георгій, Макарій антїохійскій, легаты папы Агаѳона и представители патріарховъ іерусалимскаго и александрійскаго и т. д.

Таковъ былъ внутренній строй церковной жизни.

Время шло, обстоятельства мѣнялись, но внутренній строй съ его характерными чертами остается тѣмъ же. Императорская власть все больше и больше получаетъ значенія во внѣшнихъ дѣлахъ Церкви: въ промежутокъ между концомъ IX вѣка и началомъ XIII вѣка изъ 42 константинопольскихъ патріарховъ смѣщено было императорскою властію безъ всякаго достаточнаго основанія 19. Положеніе византійской имперіи тяжело было въ XIII вѣкѣ и особенно въ XV в. Императоръ оказался измѣнникомъ, измѣнилъ патріархъ, но Церковь осталась та же: на соборахъ во главѣ съ патріархами она произнесла свой справедливый приговоръ надъ измѣнниками.

Исторія папства, какъ центрального пункта католичества.

Въ то самое время, какъ православная Церковь кончала свою вѣковую работу, и православіе отливалось въ строго опредѣленные формы, въ то время, какъ въ ней окончательно устанавливался принципъ вселенскости и вѣрности преданію; въ то время, какъ близилась

къ концу многотрудная борьба съ еретиками, въ то время, какъ по мѣрѣ укрѣпленія ея внутренней мощи, внѣшняя мощь византійской имперіи исчезала подъ натискомъ азіатскихъ варваровъ; — на западѣ мало-по-малу опредѣляется новый порядокъ вещей, христіанство отливается въ своеобразную форму. Духъ древняго Рима, его завоевательные инстинкты проникаютъ въ христіанство и оставляютъ на немъ замѣтные слѣды.

Епископъ города Рима, славнаго и могучаго города, повелителя многихъ народовъ, того города, гдѣ дѣйствовали апостолы Петръ и Павелъ, гдѣ принесены были очевиднѣйшія доказательства внутренней силы христіанства и пролита была кровь мучениковъ, города — гдѣ лицомъ къ лицу сталкивались двѣ враждебныя силы, гдѣ происходила, благодаря этому, беспощадная борьба, гдѣ факелами горѣли тѣла христіанъ; — епископъ такого, единственнаго на западѣ апостольскаго города, еще до провозглашенія христіанства религіею господствующею получаетъ преимущественное право чести. Онъ — прямой наслѣдникъ преданій апостоловъ Петра и Павла и единственный, къ кому могли обратиться епископы запада за разрѣшеніемъ споровъ и сомнѣній. Любопытно, что его значеніе понимали даже римскіе императоры: императоръ Авреліанъ въ спорѣ антioxійскаго епископа съ Павломъ Самосатскимъ, занявшимъ эту кафедру, рѣшеніе его представляетъ римскому епископу.

Право чести мало-по-малу переходитъ въ право власти, когда къ этому являются прецеденты. Въ 330 г. императоръ Константинъ В. переносилъ столицу изъ Рима въ Византію. Представителемъ христіанъ, ихъ главою и управителемъ въ полуязыческомъ Римѣ остается епископъ г. Рима. Тамъ, гдѣ параллельно епископской власти существовала власть императора, послѣдняя постоянно ограничивала первую и подчиняла ее себѣ. Тамъ, гдѣ ея не было, высшая духовная власть, пользующаяся и безъ того большимъ авторитетомъ среди христіанъ, легко все больше и больше ширится и заявляетъ все новыя и новыя претензіи. И римскіе епископы, дѣйствительно, съ очень понятною страстностію отстаиваютъ свои преимущественныя права чести. Въ своихъ требованіяхъ относительно почтенія къ нимъ, какъ къ епископамъ Рима, они доходятъ до мелочности. На посольство Василія

Великаго 373 г. къ папѣ Дамасу въ лицѣ діакона Сабина папа отвѣтилъ, что, во-первыхъ, самое посланіе написано не по формѣ, а во-вторыхъ, что его нужно посылать не съ какимъ-то діакономъ, а съ депутаціей изъ нѣсколькихъ почетныхъ епископовъ. И это тогда, когда востокъ такъ нуждался въ поддержкѣ запада для борьбы съ арианствомъ. Тоже ревнивое отношеніе къ своимъ правамъ чести обнаруживается въ протестахъ Дамаса на II вселенскомъ соборѣ и Льва В. на IV вселенскомъ соборѣ по поводу возвышенія константинопольскаго епископа.

Въ 476 г. римская имперія пала; вся Италія была занята еретиками готами. Еретики же наполнили собою Германію, славную Галлію, Испанію и Африку. Римскій епископъ остался почти единственнымъ православнымъ епископомъ на западѣ, единственнымъ сильнымъ изъ православныхъ въ Италіи. То и другое имѣло для него выгодную сторону. Жители Италіи въ немъ видѣли своего защитника и къ нему, какъ къ надежному прибѣжищу, обращались. Въ этотъ періодъ неурядиць въ Италіи папа въ Римѣ становится полнымъ почти хозяиномъ: онъ слѣдитъ за порядкомъ въ городѣ, въ голодные годы онъ прокармливаетъ бѣдняковъ, онъ строитъ и чинитъ городскія стѣны; онъ выходитъ на встрѣчу Атыллѣ, ведетъ переговоры съ Гейзерихомъ, отдаетъ ключи Рима Велизарію. — Еретики принесли также не мало пользы, такъ какъ римскій епископъ является среди нихъ возстановителемъ православія. Но ничто такъ не укрѣпило и не усилило власти епископа римскаго на западѣ, какъ распространіе христіанства среди англосаксовъ и германцевъ. Эти новообращенные народы питаютъ младенческую вѣру и горячую привязанность къ просвѣтившему ихъ. Цѣлыя толпы пилигримовъ прибываютъ изъ отдаленной Англіи въ Римъ, чтобы видѣть великаго епископа. Это были самыя преданныя сердца, своею покорностію давшія силу папѣ. Въ Англію и Германію папа смѣло посылаетъ епископовъ по своему усмотрѣнію, связывая ихъ клятвою на вѣрность себѣ. Бонифацій, просвѣтитель германцевъ, вводитъ особую формулу присяги, гдѣ онъ клянется, что „если встрѣтитъ священниковъ противящихся древнимъ преданіямъ св. отцевъ, т. е. кононической римской традиціи, то онъ вѣрно и немедленно донесетъ на нихъ римскому апостольскому величію“ (*).

(*) В. Ланглау. Ист. средн. вѣковъ. Стр. 100.

При такомъ положеніи вещей, когда римскій епископъ становится центромъ маленькой Италіи и большой западной Европы, весь интересъ его сосредоточивается здѣсь. Здѣсь легче было дѣйствовать свободно и независимо. Востокъ могъ только стѣснять папу и не разъ стѣснялъ. За протестъ Констансу II-му папа Мартинъ жестоко поплатился. Еще раньше, когда Юстиніаномъ отвоевана была Италія отъ лангобардовъ, папы всецѣло подпали подъ власть этого императора. А сознаніе своей силы на западѣ все сильнѣе и сильнѣе проникаетъ въ умы папъ. Григорій II пишетъ императору Льву Исаврянину въ началѣ VIII в.: „взоры всего запада устремлены на наше смиреніе, весь западъ считаетъ насъ за земного бога“ (*). Тамъ на западѣ — онъ полный хозяинъ своихъ епископій, тамъ его владѣнія считались неприкосновенными, тамъ онъ пользовался авторитетомъ. Разрывъ съ востокомъ былъ на руку римскому епископу. Конечно, это пока былъ еще разрывъ чисто политическій: общеніе церквей запада и востока не прекращается. Разрывъ произошелъ при папѣ Григоріи III: онъ слагаетъ съ себя подданническія отношенія къ византійскому императору. Это былъ шагъ хотя рискованный, но вѣрный. Защита противъ византійскаго императора скоро была найдена въ лицѣ франкскаго короля Пипина Короткаго, интересы котораго съ интересами папы были солидарны. Пипинъ помогаетъ папѣ Захарію II противъ лангобардовъ и даритъ ему въ ленное владѣніе цѣлую область въ Италіи (755 г.), а папа за это своимъ духовнымъ авторитетомъ содѣйствуетъ возвышенію его дома. Это, говоримъ, былъ разрывъ чисто политическій, такъ какъ вскорѣ послѣ него предъ VII вселенскимъ соборомъ патріархъ константинопольскій сносился съ папою Адріаномъ I.

Такъ былъ заключенъ союзъ съ франкскимъ домомъ. Левъ III помазываетъ въ 800 г. Карла Великаго, чѣмъ содѣйствуетъ возвышенію его власти и авторитета. Съ своей стороны и императоръ Карлъ V. оказываетъ не малыя услуги понамъ. Въ интересахъ централизаціи власти, строгимъ поборникомъ который былъ Карлъ V., онъ усиливаетъ власть папы надъ всѣми епископами своей имперіи: чрезъ папу онъ вліяетъ на нихъ и управляетъ ими.

Здѣсь можно отмѣтить новую ступень въ развитіи папства: право власти надъ западными епископами приводитъ къ мысли о правѣ

(*) Леон. Ранке. Римск. папы въ полѣдн. четыре столѣтія Т. I, стр. 15.

власти надъ всею западною церковію и не только въ духовномъ отношеніи, но и въ свѣтскомъ. Та громадная власть, которая дана была Карломъ В. папамъ, не опасна была ни для императора, ни для свѣтскихъ владѣтелей, пока имперіей управляли геній и мощная рука Карла В. Но какъ только умеръ Карлъ В. и имперія распалась на множество частей свѣтскимъ владѣтелямъ, лицомъ къ лицу пришлось стать съ крѣпкою духовною, ирекрасно организованною, силою въ лицѣ папы. Папа — владѣтель поземельною собственностію, и этою стороною онъ входитъ въ феодальный строй западной Европы, получая право прямого участія въ ея дѣлахъ. Онъ — глава епископовъ, такихъ же ленниковъ, какъ и другія свѣтскія лица. Тутъ легко было перепутать двѣ власти — духовную и свѣтскую. И папа Николай I заявляетъ о себѣ какъ не только владыкѣ надъ духовными лицами, но и надъ королями, не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ отношеніяхъ: онъ принудилъ Лотара, владѣтеля Лотарингіи, принять разведенную супругу Титбергу и оставить вторую жену Вальдраду. Еще одинъ шагъ послѣдовательный въ дѣлѣ поступательнаго шествія римскаго епископа и власть его признается властію надъ всею церковію безъ исключенія. Это была вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя ступень, такъ папа являлся намѣстникомъ Бога на землѣ. Она впервые высказана была Николаемъ I въ дѣлѣ Фотія, гдѣ онъ высказываетъ, что его власть единственная и притомъ власть на землѣ.

Благодаря тому привилегированному положенію, въ которомъ стоялъ папа на западѣ и не только привилегированному, но и господствующему, мало-по-малу создается взглядъ, что это положеніе не результатъ историческихъ и другихъ обстоятельствъ, а это исконная принадлежность папы: онъ всегда былъ главою Церкви, стоявшимъ выше соборовъ, которому всѣ епископы подчинены въ отношеніи суда и контроля; его власть всегда была независимой отъ власти государственной. Но такъ какъ это были слишкомъ смѣлыя положенія, то необходимо было ихъ обосновать, и ихъ обосновываютъ на такъ называемыхъ „Лжеисидоровскихъ декретаріяхъ“ (сборникъ большею частію подложенныхъ соборныхъ опредѣленій и папскихъ декретовъ первыхъ четырехъ вѣковъ христіанства).

Съ этого времени начинается религіозный разрывъ западной Церкви отъ восточной. Нарушается право вселенскости Церкви: обладаніе

высшею истиною и властію присвоивается помѣстной церкви, частнѣе главѣ ея — епископу. Окончательный и явный разрывъ происходитъ въ XI в., когда западна Церковь отдѣлила себя отъ восточной.

Такъ начавшее развиваться въ духѣ монархическаго принципа, папство перешло къ теократіи. Попытку осуществить теократію на землѣ, присвоить себѣ свѣтскую власть наравнѣ съ духовною сдѣлалъ Григорій VII, а осуществилъ ее фактически Иннокентій III. Борьба Фридриха II Гогенштауфена съ папами изъ-за власти была объявлена борьбою антихриста со Христомъ. Папскій адвокатъ Иннокентія IV пишетъ: „онъ (Фридрихъ) хотѣлъ какъ Богъ возстать на Божьемъ престолѣ, онъ не только старался назначать папъ и подчинить апостольскій престолъ своему господству, но захотѣлъ похитить божественное право, измѣнить вѣчный союзъ, установленный евангеліемъ“ ...¹⁾ Четыре вѣка тому назадъ, когда Карлъ Мартель бралъ десятую часть церковнаго имущества на государственныя нужды, одинъ изъ нѣскольکو позднѣйшихъ соборовъ его преемнику говорилъ: „по той причинѣ, что принцъ Карлъ первый изъ всѣхъ франкскихъ королей раздѣлилъ и разъединилъ имущество церкви... онъ подвергся вѣчному осужденію. Дѣйствительно, мы знаемъ, что св. Евхерій, епископъ орлеанскій, будучи на молитвѣ, вознесенъ былъ въ міръ духовъ и въ числѣ вещей, показанныхъ ему Господомъ, онъ видѣлъ Карла, который мучился въ самыхъ глубокихъ пропастяхъ ада. Ангель, водившій его, бывъ спрошенъ по этому предмету, отвѣчалъ ему, что въ загробномъ судѣ душа и тѣло тѣхъ, кто взялъ и раздѣлилъ имущества Церкви, еще до конца свѣта будутъ предаваться вѣчному мученію по рѣшенію святыхъ, судящихъ на судѣ вмѣстѣ съ Господемъ“.²⁾ Позднѣ этотъ взглядъ окрѣпъ, и не только попытки къ присвоенію церковныхъ земель со стороны свѣтскихъ лицъ, но и протесты противъ наложенія церковной подати, заслуживали суровыхъ проклятій.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Ланглюа. «Ист. ср. вѣк.» Стр. 178.

²⁾ «Ист. умств. развитія Европы». Д. Дреперъ. Т. I., стр. 304.

Характеристика православія, римско-католичества и протестантства. (*)

Краткій очеркъ возникновенія и развитія протестантизма.

Въ средніе вѣка надъ западной Европой висѣла суровая опека. Не только частныя лица, императоры и тѣ присмирѣли. Борьба папъ съ Гогенштауфенами кончилась позорною казнію послѣдняго изъ нихъ, Конрадина, въ Неаполь. Габсбурги не подымали своего голоса противъ папъ. Англія покорно платила свою дань. Франція и Испанія въ лицѣ своихъ епископовъ вполне преданы папѣ. Лучшимъ показателемъ папской силы служить булла Иннокентія III отъ 1208 г.,¹⁾ призывавшая западную Европу на борьбу съ альбигойцами и достигшая своего результата. Здѣсь были нарушены политическія права Филиппа Августа, короля Франціи, въ территоріи королевства котораго находились альбигойцы или катары, феодальныя права Раймунда VI, графа тулузскаго, и отъ ленной присяги которому освобождены все его вассалы, права собственности, потому что все участники похода на время похода освобождались отъ уплаты процентовъ по долгамъ. Не меньшая притязательность видна въ словахъ Бонифація VIII, который въ рѣчи къ посламъ императора германскаго, Альбрехта, прямо говоритъ: „я самъ императоръ,“²⁾ а Филиппу IV въ краткихъ словахъ заявляетъ, что король французскій подчиненъ папѣ въ дѣлахъ свѣтскихъ, равно какъ и духовныхъ. Эта опека тяжелымъ бременемъ лежала на западной Европѣ. Она простиралась не только на матеріальныя стороны человѣка, отнимая отъ него силы и деньги, нѣтъ—она гнула его умъ, извращала его волю; наука заключена была въ предѣлахъ схоластики, и только съ ея точки зрѣнія могъ человѣкъ смотрѣть на все. Инквизиція была хорошо организована и прекрасно дѣйствовала. Всякое свободное проявленіе мышленія внѣ установленныхъ формъ безлощадно каралось ею, какъ ересь. Этой опекѣ обязана была Европа истребленіемъ почти половины населенія путемъ крестовыхъ походовъ. Она явилась виновницей того, что цвѣтущая юж-

(*) См. № 7 «Тоб. Епарх. Вѣд.» 1898 г.

1) Покровскій. «Средне-вѣковыя ереси и инквизиція» (въ кн. для чтенія по истор. сред. вѣк. II. Виноградова. Вып. 2-й, стр. 671).

2) Г. Вышинскій. «Папство и свящ. Рим. имп. въ XIV и XV ст.» Стр. 110.

ная Франція превратилась въ пустыню благодаря крестовому походу на альбигойцевъ. Ей обязана была Европа тѣмъ, что все почти ея вниманіе отвлекалось въ сторону церковныхъ вопросовъ. А между тѣмъ назрѣвали новыя задачи, выяснялись новыя потребности, осязательнѣе становились новыя идеи. Національности, объединенныя Карломъ Великимъ въ одной имперіи, стали послѣ ея паденія мало-по-малу обособляться. Стали намѣчаться и центры, вокругъ которыхъ онѣ группируются, характерныя особенности той или другой изъ нихъ. Разрозненныя силы, до сихъ поръ служившія чуждымъ имъ интересамъ, сконцентрировываются и привлекаются къ отправленію ихъ специфической обязанности. вмѣстѣ съ развитіемъ національности поднимаются голоса и противъ всемірной папской опеки, отвоевавшей и силы и вниманіе отъ прямыхъ и насущныхъ потребностей. Народъ понималъ, что сражаться съ турками пустое донкиходство, когда внутри много враговъ государственнаго строя, тратить на это деньги, когда онѣ и безъ того бѣдны, идти по пути, начертанному папой, когда у него свой самостоятельный путь.

Первые, кто попытался свергнуть съ себя опеку и свергъ, были французы. Борьба Филиппа Красиваго съ Бонифаціемъ VIII кончилась печально для послѣдняго. За ними слѣдуютъ нѣмцы: въ 1338 году, когда папа отлучилъ императора Людовика Баварскаго и на всѣ Германію наложилъ интердиктъ, князья, собравшіеся на берегу Рейна, постановили, что впредь назначеніе императора не зависитъ отъ папы. Почти въ одно время съ этимъ Эдуардъ III отказывается платить Риму обычную дань англійскаго народа.¹⁾

Въ этихъ фактахъ сказалось пробудившееся національное чувство независимости отъ внѣшнихъ вліяній. Но это была борьба съ одною крайностію папства — съ его претензіями на свѣтскую власть. Дѣло скоро доходитъ и до ограниченія его духовной власти: соборы пизанскій, константскій и базельскій значительно подрываютъ авторитетъ папы, Францискъ I безъ особаго труда получаетъ право назначать епископовъ и другихъ высшихъ администраторовъ церкви. Въ Германіи открыто возстаютъ противъ десятины въ 1487 г. Въ Англии Генрихъ VII безъ всякаго соглашенія съ папой присвоилъ себѣ право назначенія на епископскія кафедры.

¹⁾ См. напр. у Леон. Ренке „Рим. папы“. Т. I.

Постепенно ослаблялось могущество папы; одна за другою отнимались отъ него прерогативы его власти. Папа постепенно развѣнчивался, и общественное сознание мало-по-малу стало привыкать смотреть на него, какъ на обыкновеннаго смертнаго, дѣйствіями котораго часто руководятъ тѣ же страсти, что и у обыкновенныхъ людей. Ореоль славы и недоступности былъ уничтоженъ. Теперь настала возможность критически отнестись къ этой личности.

И общественное сознание не замедлило отнестись критически къ папѣ, а затѣмъ и къ тому ученію, представителемъ котораго онъ являлся. Тутъ была уже очевидная опасность. Гдѣ дѣло религіи тѣсно связано съ опредѣленною и притомъ единственною личностію, тамъ она рушится вмѣстѣ съ паденіемъ этой личности. Разъ палъ ореоль величія, которымъ окруженъ былъ папа, пало уваженіе и къ католичеству. Вотъ почему позднѣе подъемъ католичества тѣсно связанъ съ тѣми внутренними реформами, которыя произведены были имъ же въ немъ же самомъ — особенно въ отношеніи къ папамъ. Насмѣшки и остроты, направленные въ концѣ XV в. противъ папъ, одинаково относились и къ католичеству. И стоило только окончательно заподозрить эту личность, заподозрить не только его нравственную сторону, но и его убѣжденія, какъ это же подозрѣніе падало и на религію. А отсюда легкій переходъ или къ тому, чтобы сбросить съ себя окончательно узы католичества, чтобы дать свободу своимъ силамъ, или къ требованію переформировать религію, построить ее на новыхъ началахъ, обновить старое.

Критическое отношеніе къ папѣ совпадаетъ съ развитіемъ гуманизма итальянскаго и германскаго. Этому критическому отношенію предшествовало то равнодушіе, съ которымъ общество отнеслось къ постепенному развѣнчиванію папъ. Грубый поступокъ Филиппа IV съ Бонифаціемъ VIII, повлекшій за собою смерть послѣдняго, ничѣмъ не отозвался въ обществѣ: оно осталось молчаливымъ при этой трагической развязкѣ. Равнодушіе это еще болѣе усилилось и стало переходить въ негодованіе во время авиньонскаго плѣненія папъ и великаго раскола. Тогда во всей неприглядности выступила наружу обратная сторона медали: всѣ интриги папъ, ихъ далеко не безупречная жизнь, ихъ лукавство, лживость. Это равнодушіе было лучшей гарантіей тому скептическому отношенію, съ которымъ отнеслись къ

папѣ люди болѣе развитые, причастные гуманистическому движенію.

Уже одно то, что гуманизмъ отвлекъ общее вниманіе отъ вопросовъ религіозныхъ, выдвинулъ на сцену древнихъ классиковъ, философовъ, науку естествознанія — уже одно это много значило въ дѣлѣ высвобожденіе ума человѣческаго изъ-подъ гнета схоластики. Но гуманисты на этомъ не остановились. Петрарка отчетливо различаетъ христіанство, какъ религію, и папизмъ, какъ чисто человѣческую систему. Католичество и христіанство въ его умѣ были далеко не тождественны. Еще дальше пошли нѣмецкіе гуманисты. Ими на первый планъ выдвинуты были вопросы научные и общественные. Николай Кузанскій открыто объявляетъ подложность „Лжеисидоровскихъ декретарій“. Вессель начинаетъ преподаваніе Св. Писанія по первоисточникамъ. Но особенно было много сдѣлано Рейхлиномъ, Еразмомъ и Ульрихомъ фонъ-Гуттенемъ. Рейхлинъ, знатокъ еврейскаго языка, первый приступаетъ къ сравненію еврейскаго текста Библии съ каноническимъ текстомъ вѣльгаты, не обращая вниманіе на волю, поднятый духовенствомъ, монахами и схоластиками. При немъ возникаетъ, и въ отрицательномъ смыслѣ рѣшенъ, благодаря ему, вопросъ объ уничтоженіи апокрифическихъ еврейскихъ книгъ. Еще большее значеніе имѣетъ Еразмъ Роттердамскій, прославившійся трудами по изученію Новаго Заветъа. Онъ впервые его напечаталъ на греческомъ языкѣ. Всѣ его усилія направлены были къ тому, чтобы распространить въ современномъ ему обществѣ возможно большую массу научныхъ свѣдѣній. ¹⁾

На ряду съ глубокоученными трудами, подрывавшими авторитетъ католической церкви, появляются сатирическія сочиненія, которыя быть можетъ были дѣйственнѣе и скорѣе достигали своего результата благодаря своему легкому стилю, соединенному съ сарказмомъ. Перу того же Еразма принадлежитъ „похвала глупости“ — злая сатира на нравы тогдашняго духовенства, быстро распространившаяся среди общества, ходившая открыто по рукамъ, сильно подрывавшая послѣднее уваженіе къ папству. *) Не удивительно, что въ обществѣ были въ

¹⁾ О гуманизмѣ см. напр., въ „Лекціяхъ по всемирн. исторіи“ профессора М. Петрова. Т. III, стр. 14—32.

*) Вотъ образчикъ изъ нея: „Они (т. е. папа, кардиналы и высшее духовенство) думаютъ вполнѣ удовлетворить Христу, являясь въ своихъ театральныхъ костюмахъ и расточая свои безсильныя благословенія и проклятія; апостольскіе же труды и бѣдность они предоста-

большомъ ходу афоризмы Гуттена изъ его „Римская тройца“ вредъ: „Римъ изобилуетъ тремя вещами — развратными женщинами, папами и писцами“, или: „въ Римъ три главныхъ источника дохода — Христосъ, духовныя должности и женщины“; „путникъ, побывавшій въ Римъ, привозитъ оттуда три результата — запятнанную совѣсть, испорченный желудокъ и пустой карманъ“.

Когда, такимъ образомъ, оппозиція все усиливалась — и со стороны отрицательной и со стороны положительной, когда она стала высказываться открыто и дѣлались нападенія на католическую церковь въ формѣ — ли ѣдкой, сатирической, или въ формѣ серьезной, научной — и все это дѣлалось открыто, все болѣе и болѣе прогрессируя; тогда, значить, настало время реформаціи церкви. Врагъ былъ не только обезсиленъ, но и осмѣянъ. Послѣ этого онъ терялъ всякое уваженіе, и нуженъ былъ смѣлый человекъ, чтобы свести съ нимъ счеты. Реформаціей вѣяло въ воздухѣ и она вспыхнула внезапно, по частному поводу въ 1517 году.

Реформація имѣетъ тотъ глубокой интересъ, что несмотря на свой чисто религіозный характеръ, она была въ существѣ дѣла порывомъ свободы человѣческаго духа, новою потребностію судить и мыслить независимо, собственными средствами и силами о такихъ фактахъ и идеяхъ, которые до сихъ поръ Европа получала изъ рукъ авторитета. ¹⁾ Съ религіозной точки зрѣнія это было признаніе того, что полное обладаніе истиною доступно каждому человеку и потому каждый можетъ отдѣлаться отъ церкви и создавать свой символъ вѣры.

вляють Петру и Павлу, довольствуясь сами роскошью и наслажденіями. Да какъ же и быть имъ иначе? Вѣдь учить народъ — хлопотно, объяснять писаніе — дѣло педантовъ, а проливать слезы — бабье дѣло; молигся — скучно; терпѣть бѣдность — отвратительно; умирать — неприятно, а быть распятымъ — позорно“. О низшемъ духовенствѣ Моріа (глупость) говоритъ, что ихъ занятія состоятъ въ томъ, чтобы бормотать молитвенныя формулы, смысла которыхъ они сами не понимаютъ; о благочестіи же между ними нѣтъ и помину. Курьезная исторія выходитъ съ этимъ благочестіемъ: его перебрасываютъ какъ мячъ изъ рукъ въ руки. Князья по скромности предоставляютъ его простому народу, простой же народъ — духовенству; но высшее духовенство сваливаетъ это бремя на плечи своей нищей братіи, тѣ опять перебрасываютъ его монахамъ, простые монахи — нищенствующимъ орденамъ, а эти послѣдніе — картезіанцамъ, и ужъ гуть благочестіе находить свое погребеніе и притомъ такое глубокое, что никому и никогда не удастся его увидѣть. Ibid.

¹⁾ Гизо. „Исторія цивилизаціи Европы“. Стр. 310.

Реформація больше дала въ своемъ результатѣ, чѣмъ предполагала, ея послѣдствія превзошли ея виды. Отсюда та естественная непоследовательность, которая является характерной чертой протестантизма. Если католичество представляетъ изъ себя стройную систему на ложныхъ началахъ, то протестантизмъ и этого внѣшняго достоинства не имѣетъ.

На первыхъ порахъ реформація живетъ исключительно протестомъ католицизму. Это ея главный характеръ, который сильно вліяетъ на ея догматическую систему. Основной принципъ — свобода чловѣка въ дѣлѣ религіи — недостаточно выясненъ и не доведенъ до конца. Но сразу же понятно было, что протестъ, а вмѣстѣ съ нимъ и вѣроисповѣданіе, основанное на немъ, ничего положительнаго и прочнаго не могутъ дать. Мало сказать — это ученіе неправильное; необходимо вслѣдъ за этимъ рѣшить, въ чемъ же заключается правильное. И уже самъ Лютеръ чувствовалъ свою беспочвенность. „Къ несчастію, говорилъ онъ, я не могу твердо вѣрить тому, что говорю въ своихъ проповѣдяхъ къ народу и о чемъ пишу въ своихъ сочиненіяхъ. А народъ воображаетъ, конечно, что я отъ души вѣрю и Евангелію и тому, какъ я его объясняю“. ¹⁾ Эта беспочвенность лучше всего сказывается въ неустрашимомъ коренномъ противорѣчій, заключающемся во взглядѣ Лютера на чловѣчскія силы. Съ одной стороны онъ ослабленъ грѣхомъ до того, что все дѣло спасенія всецѣло зависитъ отъ Бога, съ другой — чловѣкъ, получившій свободу въ дѣлѣ религіи, является мощнымъ созидателемъ своего спасенія.

Вся дальнѣйшая исторія протестантизма сводится къ постепенному выдѣленію изъ него секты за сектою. На почвѣ чисто раціональной во имя свободы чловѣческаго духа возникаютъ секты социніанъ, арминіанъ; на почвѣ чисто религіозной, во имя исключительнаго дѣйствія Божества въ чловѣкѣ — возникаютъ секты анабаптистовъ и меннонитовъ. Первый принципъ позднѣе беретъ перевѣсъ и съ ужасающею последовательностію ведетъ къ школь Бауера, Штрауса, а затѣмъ и къ полному невѣрію, которымъ теперь зараженъ весь Западъ.

Реакціей этому крайнему направленію въ протестантизмѣ является секта ирвингіанъ, признающая и откровеніе и чудеса, —

¹⁾ Архим. Хрисанфъ. „Характеръ протестантизма“. Стр. 17.

попытки къ соединенію протестантизма и кальвинизма и, наконецъ, появленіе новой теологіи, стремящейся стать посредникомъ между разумомъ и Откровеніемъ.

Существенныя черты православія, католицизма и протестантизма.

Божественная сторона въ религіи христіанской всегда остается неизмѣнною: вѣренъ самъ себѣ ея Основатель, вѣрно и всегда равно себѣ Его ученіе, неизмѣнна Его любовь къ человѣку, самымъ сильнымъ выраженіемъ которой является Его крестная смерть. Но спасаемый можетъ стать въ разное отношеніе къ этой божественной сторонѣ религіи, какъ онъ и дѣлалъ въ лицѣ еретиковъ. Правильность отношеній спасаемаго опредѣляется его принадлежностію къ Церкви: она одна регулируетъ ихъ, она одна спасаетъ. Она педагогъ, заботливой рукою ведущій своихъ питомцевъ. Но и тутъ возможно различное отношеніе питомца къ своему руководителю — къ Церкви. Эти отношенія подобны отношеніямъ учениковъ къ опытному наставнику. Онъ можетъ всецѣло подчиниться ему: мысли учителя — его мысли; желанія учителя — его желанія; онъ становится рабомъ послѣдняго, теряетъ самостоятельность; такое отношеніе основывается на чувствѣ уваженія къ авторитету учителя: тутъ нѣтъ мѣста самодѣтельности, но зато и нѣтъ опасности погрѣшить, пока все дѣло ведетъ учитель. Возможно и другое отношеніе. Самостоятельный и независимый духъ ученика тяготеетъ опекою, онъ жаждетъ свободной дѣятельности; авторитетъ учителя для него не играетъ никакой роли, онъ самъ себѣ учитель, собственными силами онъ пытается найти себѣ путь къ познанію истины. Его ошибки — собственные ошибки, и за нихъ онъ лично отвѣчаетъ. Но возможно избѣжать этихъ крайностей, возможно совмѣстить пытливость и самостоятельность ученика съ опытностію и знаніемъ учителя. Едва-ли отъ этого что другое можетъ произойти, кромѣ хорошаго и полезнаго. Силамъ ученика предоставляется свободно развиваться; на долю учителя падаетъ общее руководство, предостереженіе отъ совершенно излишняго повторенія ошибокъ, допущенныхъ другими такими же пытливыми натурами. Правильность такого взаимоотношенія двухъ силъ — руководимаго и руководящаго —

основывается на томъ простомъ соображеніи, что иначе пришлось бы или довольствоваться неизмѣннымъ знаніемъ учителя или вторично открывать Америку.

Эти общія соображенія вполне приложимы къ опредѣленію взаимныхъ отношеній церкви и ихъ членовъ и къ выясненію сущности дѣла.

Церковь высшая учительница и, какъ учительница людей, обладаетъ для этого всѣми народными средствами: она обладаетъ высочайшею святостію и высочайшею истиною. Первое даетъ ей нравственный авторитетъ, второе — непогрѣшимость. Будучи всегда себѣ равною, она остается такою же, какою была во времена Основателя и апостоловъ. Эта вѣрность апостольскому времени, эта ея, такъ сказать, апостоличность, — одна изъ характернѣйшихъ ея чертъ. Ею утверждается не только ея вѣрность догматическая, но и ея жизнь, жизненность. Связь, существующая между Церковію I вѣка и последующихъ, связь прочная и неизмѣнная, основывается на живой любви, соединяющей самые разрозненные элементы, не знающей границъ, господствующей надъ временемъ и пространствомъ. Гдѣ рвется эта связь, гдѣ человѣки отлучаютъ несправедливо отъ общенія съ Церковію, тамъ рвется любовь, и тамъ въ основу кладется другой принципъ — людской эгоизмъ, тамъ высшія и чистѣйшія побужденія смѣняются побужденіями низшими, движеніями страстей. На несправедливое отторженіе отъ своего общенія, на разрывъ съ нею, въ основаніи котораго лежитъ ложь, Церковь иначе не смотрѣла, какъ на челоуѣкоубійство. Препятствіемъ къ единенію Церквей восточныхъ съ александрійскою въ V в., къ единенію Іоанна антиохійскаго съ Кирилломъ александрійскимъ, помимо подозрѣнія Кирилла въ ереси служило обвиненіе его въ „челоуѣкоубійствѣ“, въ томъ, что онъ несправедливо, будто бы, по мнѣнію восточныхъ отцовъ, отлучилъ отъ Церкви и низложилъ Несторія константинопольскаго¹⁾. Эта искренняя вѣрность Церкви самой себѣ получила подтвержденіе на III вс. соборѣ, постановившемъ не измѣнять никеоцареградской вѣры, какъ вѣры общецерковной, которую всегда исповѣдывала она.

Кто же въ Церкви является носителемъ высочайшей истины? Вся

¹⁾ Лекція Боготова В. по церк. ист., читан. въ 1888/9 г. студ. С.П.Б. дух. акад. Стр. 154.

Церковь, взятая въ ея совокупности. Устанавливается объективный принципъ: истина принадлежитъ не отдѣльнымъ лицамъ и не отъ ихъ православія зависитъ православіе Церкви. Тогда бы оно являлось шаткимъ, зависящимъ отъ непостояннаго, вѣчно колеблющагося чело-вѣка. Отдѣльная личность всегда можетъ погрѣшати, и не рѣдки примѣры, когда представители мѣстной церкви впадали въ ересь: Аполлинарій еп. лаодикійскій, Несторій константинопольскій, Феодоръ мопсуетскій, Діоскоръ александр., Діодоръ тарсійскій, Сергій, Пирръ, Павелъ конст., папа Гонорій и т. д. Но отъ этого Церковь ничего не потеряла: ея истинность осталась при ней. Еретики за еретиками дѣлали на нее нападенія; не разъ дѣло Церкви казалось погибшимъ (во время аріанской ереси). Но время проходило, ереси исчезали, смѣняя другъ-друга, а Церковь оставалась неизмѣнною, какъ справедливыи укоръ отступившимъ отъ нея.

Ея истинность—въ ея Основатель, въ истинности ея догматовъ и нравственныхъ основъ; ея истинность въ каждомъ членѣ, принадлежащемъ ей и обладающемъ этою истиною въ силу живой связи съ нею. Какъ въ организмѣ жизнь и движеніе всѣхъ членовъ зависятъ отъ жизни всего организма и каждый изъ отсѣченныхъ теряетъ возможность жить, такъ и каждый членъ Церкви является всегда носителемъ церковной жизни, ея характерныхъ свойствъ, пока онъ находится въ общеніи съ нею. Какова же его роль, его отношеніе къ своему верховному руководителю—Церкви? Въ ея предѣлахъ онъ свободенъ; исканіе истины, которое такъ дорого каждому, сознательное отношеніе къ ней освящены Церковію. „Испытайте писанія“—это завѣтъ Основателя Церкви. Догматы Церкви непостижимы, но ихъ можно приблизить къ челоуѣческому пониманію. Это, правда, самый опасный пунктъ и нигдѣ такъ не полезно руководство Церкви, какъ въ этомъ именно пунктѣ. А выясненіе отношеній къ ближнимъ, къ самому себѣ, къ природѣ? Знаніе всегда уважалось и освящалось Церковію. Требовалось одно, чтобы пребывала въ ея членѣ любовь, какъ гарантія его связи со всею Церковію, гарантія его вѣрности ей. Она уважаетъ мнѣнія и сознанныю ошибочность ихъ охотно прощаетъ. Ея догмы даютъ отвѣтъ на всѣ вопросы, а ея исторія даетъ поразительную массу примѣровъ паденія гордаго ума челоуѣка. Ея отношенія къ личности напоминаютъ въ указанномъ

выше примѣръ нормальныхъ отношеній учителя къ своему ученику: уваженіе, которое питаетъ послѣдній къ авторитету перваго, основывается не на простомъ сознаніи своего безсилія и на чувствѣ благодарности за постоянную помощь, а на сознательномъ преклоненіи предъ его опытностію и благодарности за развитіе силъ послѣдняго.

Такъ гармонически сплетаются двѣ стороны въ спасаемомъ чело-вѣкѣ: божественная и человѣческая, свобода воли съ божественною помощію. Ни одна сторона не производитъ насилія надъ другою.

Когда же помѣстная церковь заявляетъ свои исключительныя права на обладаніе истиною, когда она одна является верховнымъ судіею и законодательницею, тогда порядокъ вещей мѣняется. Чувство единенія всѣхъ членовъ между собою пропадаетъ, одни низводятся на степень илотовъ въ дѣлѣ вѣры, другіе — на степень высшей касты, вѣщающей истину. Измѣненный порядокъ съ логическою необходимостію долженъ быть приведенъ къ концу, и онъ приводится: въ самой помѣстной церкви, признавшей себя исключительной обладательницею истины, происходитъ крупное измѣненіе — не всѣ члены ея равноправны, какъ не равноправны они и вообще въ Церкви. Но тогда кто же является носителемъ истины, хранителемъ ея? Очевидно тотъ, кто по положенію своему выше, очевидно тотъ, кто поставляетъ епископовъ, кто присвоилъ себѣ право суда надъ ними, кто поставилъ себя выше соборовъ — и все это во имя прямого преемничества отъ верховнаго апостола, князя апостоловъ. Разъ все дѣло Церкви передается отдѣльному лицу, на него же должно быть перенесено то, чѣмъ обладала Церковь — непогрѣшимость. Что же тогда получается?

Въ принципѣ каждый членъ такой церкви теряетъ свою самостоятельность въ ней; то, чѣмъ онъ владѣлъ какъ членъ вселенской Церкви — истинностію, — отнято отъ него. На него налагаются оковы — на его умъ и волю. Лишенный права свободнаго голоса, личнаго мнѣнія, онъ долженъ мыслить и жить такъ, какъ ему будетъ указано. Понятно, что здѣсь только можетъ возникнуть орденъ іезуитовъ, дававшій обѣтъ безусловнаго послушанія не принципамъ, а личности, которая замѣнила собою всѣ принципы. Создается строгая монархія съ точной градаціей членовъ ея, съ опредѣленіемъ степени участія ихъ въ администраціи, судѣ, но ни въ какомъ случаѣ — въ изданіи законовъ, въ опредѣленіи догмъ. Какъ дѣло несовершенныхъ рукъ

человѣческихъ, она допускаетъ возможность измѣненія даже въ коренныхъ взглядахъ своихъ, возможность введенія новыхъ догматовъ. Измѣненіе этихъ коренныхъ основъ принадлежитъ главѣ ея исключительно: ея членъ не можетъ поручиться за то, что на слѣдующій же день не придется ему исповѣдывать, какъ догматъ то, что онъ считалъ или простымъ мнѣніемъ или о чемъ вовсе не слышалъ.

Преобладаніе человѣческаго элемента въ основѣ католической системы, пренесенное на личность всего того, чѣмъ обладала совокупность личностей, не могло не отразиться и отразилось на догматическомъ ученіи, въ частности на ученіи объ оправданіи человѣка. Ставшій въ правовыя отношенія къ Божеству, замѣнившій Его на землѣ въ лицѣ папы, человѣкъ свободно взглянулъ на свои силы и нашелъ ихъ достаточными для дѣла спасенія. Весь центръ тяжести въ этомъ дѣлѣ онъ перенесъ на свои дѣла, признавъ за благодатию значеніе перерожденія человѣка, обновленія его. Отсюда то значеніе, которое получаютъ въ католицизмѣ посты, паломничество, совершеніе частыхъ мессъ и проч.

Глубокая и вѣрная связь, соединявшая всѣхъ членовъ вселенской Церкви — любовь здѣсь утрачена; ей пришлось уступить другой связи, основанной на взаимномъ почтеніи высшаго къ высшему. Ученикъ всецѣло отдался вліянію своего учителя, на него онъ возложилъ всѣ свои надежды.

Но если одинъ посмотрѣлъ такъ, то другой иначе. Тотъ, кто отъ предковъ наслѣдовалъ чувство личной независимости, кто привыкъ уважать своего главу не по чувству страха предъ нимъ, а по его личному достоинству, за его духовную съ нимъ связь, тотъ иначе отнесся къ наложенной на него оцѣ. Она гнула умъ свободолобиваго германца, его волю. Онъ сбросилъ оковы и взялъ на себя великое дѣло, которое могла взять одна вселенская Церковь — дѣло своего спасенія. Онъ разорвалъ связи съ предыдущимъ и объявилъ полную независимость личности. То право, которое присвоила себѣ помѣстная церковь, державшая его въ своихъ оковахъ, онъ присвоиваетъ себѣ: онъ самъ создаетъ символъ вѣры и на немъ строитъ свое спасеніе; онъ становится въ личное отношеніе къ Божеству, не мѣшая въ другому стать въ такія же отношенія. Положившійся на свои силы въ дѣлѣ исканія истины, онъ одностороненъ и поэтому

дробится на множество мнѣній, одинаково претендующихъ на истинность.

Если разсматривать не основы реформаціи, не тѣ результаты, къ какимъ она привела, а только протестантизмъ, какъ первый выводъ, первую посылку изъ нея, то въ немъ мы замѣтимъ странное противорѣчіе, о которомъ уже приходилось говорить. Имъ безусловно нарушенъ принципъ вселенскости: истинность принадлежитъ не Церкви, взятой въ совокупности, а каждому члену ея. Нарушенъ и второй великій принципъ—связь съ Церковію апостольскою и съ Церковію вѣрною ей, связь съ Церковію вселенскою. Связующаго звена между членами церкви вновь основанной нѣтъ: каждый самъ по себѣ, каждый столько же правъ въ пути, избранномъ имъ, какъ и другой; отсюда долженъ вытекать полный индефферентизмъ. Однако безусловно стоя за принципъ личной свободы, протестантизмъ дѣлаетъ крупное отступленіе. Оказывается, что все дѣло спасенія далеко не въ рукахъ самого человѣка: Богъ — единый — спасающій его и притомъ Онъ одинъ; человѣкъ — пассивное орудіе въ Его рукахъ, ведущихъ или къ спасенію или къ гибели. И цѣнна въ Его глазахъ исключительно одна вѣра, связующая Его съ человѣкомъ; она единственное условіе спасенія. Вопреки основному положенію, человѣкъ лишается свободы; онъ подпадаетъ подъ неумолимый промыслъ Божій, не справляющійся съ его поступками, его намѣреніями; свобода является фикціей. Эта двойственность основъ протестантизма отразилась на всей его дальнѣйшей исторіи. Вполнѣ былъ естествененъ выходъ отсюда или въ сторону грубаго матеріализма мормоновъ, или въ сторону ожесточеннаго, мрачнаго фанатизма Кальвина, или же продолжать балансировать между этими крайностями.

Связь характерныхъ чертъ трехъ вѣроисповѣданій съ національными особенностями ихъ представителей.

Предъ двумя народностями стало лицомъ къ лицу христіанство; ими оно было воспринято, онѣ дали ему положеніе религіи господствующей, онѣ ее распространяли по лицу всего міра: это говорливый, изящный грекъ и воинственный римлянинъ. Христіанство соединилось съ лучшими и характерными чертами этихъ національностей, облагородило ихъ. Въ свою очередь національныя особенности не

остались безъ вліянія на развитіе христіанства въ томъ или другомъ направленіи.

Предъ пришествіемъ Христа грекъ утратилъ свою политическую самостоятельность, но не утратилъ своего внутренняго богатства, выработанныхъ вѣками, своихъ національныхъ особенностей. Онъ могъ гордиться не только своимъ прошлымъ, но и настоящимъ. Чуткій, изящный грекъ во всемъ прежде всего цѣнилъ гармонію, правильность соотношенія содержанія формъ. Отсюда въ отношеніи къ внѣшнему міру онъ развилъ все относящееся къ области изящнаго: искусство, живопись, скульптуру. Не менѣе изящна была его философія. Эта страсть ко всему изящному привела грека къ крайности: бѣдный содержаніемъ, приведенный въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ о Богѣ, о душѣ, о достовѣрномъ критеріумѣ истины къ отчаянному скептицизму, онъ обратилъ все вниманіе на форму и ей придалъ несоответствующее развитіе. Въ области философіи, поэзіи онъ сталъ фразеромъ, гоняющимся за краснымъ словечкомъ. Ни въ чемъ это фразерство такъ не сказалось, какъ въ направленіи философіи. Кончившая полнымъ банкротствомъ, философія направляется въ сторону туманнаго мистицизма или софистическихъ хитросплетней. Эта страсть къ фразерству лучше всего сказывается въ отношеніи философовъ, передовыхъ людей къ практическому знанію. Всѣ практическія науки измѣрялись не съ точки зрѣнія ихъ полезности, а съ точки зрѣнія ихъ пригодности въ дѣлѣ развитія отвлеченнаго мышленія. Ариѳметика только тѣмъ полезна, что приучаетъ умъ къ созерцанію чистой истины, возвышаетъ насъ надъ матеріальною системою. Великій геометръ, Архимедъ, съ трудомъ склонился снизойти отъ теоріи къ практикѣ. Астрономія, въ свою очередь, дорога не чѣмъ-либо другимъ, какъ тѣмъ, что возвышаетъ духъ до созерцанія вещей, которыя могутъ быть постигнуты только чистымъ разумомъ¹⁾.

Но стоило дать содержаніе этому, богатому формальнымъ развитіемъ народу, и все его фразерство, на которое тратились его лучшія силы, отойдетъ на задній планъ. Христіанство дало ему содержаніе. Для насъ не интересно, какъ онъ воспользовался имъ въ отношеніи къ искусству. Мы обратимъ вниманіе на то, въ какое отношеніе сталъ его умъ къ существенной сторонѣ въ христіанствѣ—

¹⁾ Соч. Маколея. Т. III, стр. 86 и дал.

къ его возвышенному ученію. Дисциплинированный умъ грека, привыкшій къ отвлеченному мышленію, со всею страстностію набросился на христіанскіе догматы, отдался научному усвоенію ихъ. Не разъ на пути онъ падалъ, создавая ереси, расколы; но то же чувство гармоніи, которое всегда его гарантировало отъ крайностей, выводило его на истинный путь, и результатомъ многолѣтняго труда, стоившаго многихъ жертвъ, явилась стройная система христіанства съ точнѣйшею формулировкой всѣхъ ея частныхъ. Африканской церкви съ ея центромъ Александріей мы обязаны этимъ. Отсюда вышелъ первый крупный еретикъ; отсюда же одновременно вышло и блестящее свѣтило церкви—Афанасій Великій.

Свободный духъ грека, получившій чувствительный урокъ отъ римлянъ, научился уважать чужую свободу. Онъ научился считать своими согражданами тѣхъ, которыхъ еще недавно называлъ презрительнымъ именемъ варвара. Отсюда ему легко было воспринять еще болѣе возвышенную идею христіанства — о всеобщемъ братствѣ всѣхъ людей въ единеніи съ Отцомъ небеснымъ. Свободолюбивый грекъ всегда уважительно относился къ авторитетамъ, и имена Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура и др. у него пользовались большимъ почтеніемъ. Но это не было рабское преклоненіе предъ авторитетомъ, это было уваженіе, основанное на сознательномъ отношеніи къ лицу, не исключаящее критики. Множество философскихъ системъ, развѣтвленій различныхъ школъ, устраняли возможность рабскаго преклоненія предъ авторитетомъ. Эти же черты онъ перенесъ и въ христіанство. И здѣсь грекъ живетъ личною, свободною жизнью, участвуя въ жизни всей Церкви. Онъ участвуетъ въ соборахъ, воплощая въ себѣ идею вселенскости Церкви; въ борьбѣ за истину онъ столько же опирается на собственный разумъ, сколько и на сокровище готовое, завѣщанное апостолами, внося идею вѣрности апостольскому преданію. Онъ врагъ тиранніи въ лицѣ другого, но и врагъ произвола въ лицѣ самого себя.

Побѣжденный грекъ своею культурою вліялъ на побѣдителя. И это вліяніе быть можетъ ни въ чемъ такъ сильно не выразилось, какъ въ той же страсти къ фразерству, которой зараженъ былъ побѣдитель. Сенека въ своихъ взглядахъ на философію и критическія науки напоминаетъ Платона. Но въ этомъ же лицѣ высказалась са-

мобитная, неподавленная черта римлянина — практичность. Нравственные сентенціи, въ изобиліи выходившія изъ подъ его пера, не помѣшали ему отдавать въ ростъ свои капиталы, равно какъ жизнь въ нѣгѣ и роскоши не помѣшала ему писать о злѣ, происходящемъ отъ этой роскоши. Римская философія въ лицѣ Секстія, Сенеки, Эниктета, задается вопросами, чисто практическаго характера: существенный вопросъ, ею поставленный — „какъ жить?“

Этотъ практическій духъ римлянина вліялъ и на развитіе въ немъ другихъ чертъ. Римлянинъ любилъ чаще прибѣгать къ мечу, чѣмъ къ слову. И первый аргументъ всегда оказывался убѣдительнѣе. Борьба съ окружающими народами научила его полагаться на собственные силы. Рядъ побѣдъ, упрочившихъ его самостоятельность, давшій ему перевѣсъ надъ сосѣдями, вліялъ на развитіе въ немъ воинскаго духа. Этимъ двумъ чертамъ римлянинъ исключительно обязанъ своимъ могуществомъ. Его удачные союзы принесли ему не меньшую пользу, чѣмъ и его мечъ. Война выработала въ немъ дисциплинировку, привычку къ повиновенію безусловному въ отношеніи къ своему начальству. Практическій духъ вліялъ на развитіе въ немъ юриспруденціи, которая правильно бы опредѣляла правовыя отношенія разнородныхъ элементовъ, составлявшихъ Римскую имперію.

Когда христіанство воспринято было римляниномъ, оно облагодородило, но не уничтожило этихъ національныхъ чертъ. Традиціи гордаго Рима и послѣ его паденія продолжали существовать. И носителемъ ихъ является тотъ, кто первымъ считается въ этомъ городѣ. Постепенно, шагъ за шагомъ восстанавливается утраченное величіе Рима; постепенно обнаруживаются завоевательныя наклонности его главы. Не результатъ ли этого воинственнаго духа, не отголосокъ ли древнихъ временъ, когда все, всякое свободное проявленіе, подавлялось войною — когда устраиваются и освящаются крестовые походы или, какъ еще болѣе выразительный примѣръ — альбигойскія войны, религіозныя войны съ славянами и пруссами; учрежденіе духовно-рыцарскихъ орденовъ?

Но если эта черта легла въ основу отношеній католичества къ окружающей его средѣ, то въ основу отношеній къ Богу легла юриспруденція, практическая сторона римлянина. Его меньше занималъ вопросъ, какъ вѣровать? На первомъ планѣ стоитъ — какъ спастись?

Отсюда первый вопрос, чисто самостоятельный, который поднимается на Западѣ, былъ вопросъ объ отношеніи благодати къ свободной волѣ чловѣка, въ дѣлѣ спасенія, съ его характернымъ рѣшеніемъ въ ученіи Пелагія. Въ этомъ же направленіи опредѣлены отношенія чловѣка къ Богу. Практическій римлянинъ постарался создать себѣ все удобства въ дѣлѣ спасенія. Онъ выдвинулъ на сцену правовыя, чисто юридическія отношенія. Грѣхъ чловѣка состоитъ въ оскорбленіи Божества; спасеніе — въ принесеніи удовлетворенія, совершеннаго дѣломъ Спасителя. Чтобы быть причастникомъ совершеннаго Христомъ дѣла искупленія, необходимо совершеніе тѣхъ же дѣлъ благочестія. Но совершеніе дѣлъ стоитъ въ связи съ ограниченными силами чловѣка. Отсюда — извѣстное посильное количество дѣлъ; все, что совершено сверхъ этого, является сверхдолжнымъ и зачитается ему.

Эта же практичность римлянина сказала въ его пристрастіи къ той формѣ управленія, которая сослужила раньше ему службу и сдѣлала его могучимъ — къ монархіи. Монархическій принцъ, рано заявившій о себѣ въ нѣдрахъ католической церкви, несмотря на крупныя препятствія, пробилъ себѣ дорогу и нашелъ себѣ полное осуществленіе въ епохатахъ Григорія VII, Иннокентія III и Бонифація VIII. И онъ вторично сослужилъ службу римлянину, приведши къ ногамъ Иннокентія отдаленную Англію, врага — сосѣда Византіи, Германію и Испанію. Военственный духъ древняго римлянина и его практичность сказались во всемъ, въ чемъ могло сказаться; ихъ характернымъ обнаруженіемъ служатъ рыцарскіе ордена, инквизиція, орденъ іезуитовъ; они проявились въ частыхъ паломничествахъ, въ официальной наукѣ и въ официальном языкѣ и т. д.

Въ то время какъ греческая и римская цивилизаціи встрѣтились съ христіанствомъ во всеоружіи своемъ, германская національность находилась на нисшей ступени развитія. Но и въ этомъ періодѣ она носитъ въ себѣ двѣ характерныхъ черты: чувство личной независимости и вѣрность своему главѣ, на основаніи сознанія внутренняго родства съ нимъ и уваженія къ нему, какъ къ представителю извѣстнаго племени. Поглощенная все время войною съ сосѣдями, напиравшими на нее съ востока, видѣвшая цѣлый рядъ постепенно смѣнявшихся народовъ, германская нація долгое время находилась въ состояніи политической и культурной зависимостей. Но въ

продолженіи всего этого періода — средних вѣковъ — она не утратила характерной своей черты, сказавшейся, между прочимъ, въ сильнѣйшемъ развитіи у германцевъ феодализма. Въ этомъ состояніи они восприняли христіанство и, какъ младенцы, исполнились глубокаго почтенія и уваженія къ виновнику ихъ просвѣщенія. Ихъ просвѣтитель, Бонифацій, указалъ, куда должны быть направлены ихъ взоры, и они устремили ихъ съ благоговѣніемъ на Римъ.

По мѣрѣ выдѣленія отдѣльныхъ націй изъ разложившейся франкской имперіи, выдѣляется и германская національность. Съ саксонскою династією она получаетъ политическую независимость, а съ франконской — могущество. Та опека, которая тяжелымъ бременемъ лежала на всей западной Европѣ, начала мало-по-малу давать о себѣ знать и германской націи. Пробужденіе ея совпало со временемъ папскаго могущества и потому опека тѣмъ сильнѣе стала о себѣ давать знать. Началась борьба за высвобожденіе изъ-подъ папскаго гнета, закончившаяся послѣ долгихъ колебаній постановленіями 1338 года и вѣнскимъ конкордатомъ, заключеннымъ на базельскомъ соборѣ. Вслѣдъ за освобожденіемъ политическимъ начинается высвобожденіе личности изъ-подъ той же опеки. Все дѣло реформаціи сводилось именно къ этому: отстаивались права человѣка въ дѣлѣ устроенія имъ своего спасенія. Тутъ сказался духъ древняго германца съ его любовью къ личной свободѣ. Этотъ духъ свободы побудилъ Лютера поставить человѣка въ непосредственное отношеніе къ Божеству. Каждый ведетъ свое дѣло спасенія самостоятельно, результатомъ чего и является масса сектъ, выдѣлившихся изъ протестантизма и одинаково претендующихъ на законность своего существованія.

При опредѣленіи другихъ сторонъ протестантскаго вѣроученія не маловажную роль сыграла обнаружившаяся сравнительно позже наклонность германца къ разсудочной, отвлеченной дѣятельности. Все, что касается этого міра, не имѣетъ для него цѣны; дорогъ не матеріальный, а духовный міръ. Міръ матеріальный — безотрадная, печальная пустыня, и ея нужно бѣжать. Свои взоры германецъ вперяетъ въ высь, ища тамъ отвѣта на все, его интересующее. Всю свою судьбу ввѣряетъ онъ живущему тамъ, вѣря, что, кого захочетъ, предопрѣдѣлитъ, Богъ спасти, спасетъ. Дѣла теряютъ всякую цѣну; дорого то, что соединяетъ человѣка съ Богомъ — вѣра. Она оправдываетъ и

спасаетъ человѣка, потому что ею онъ постигаетъ оправданіе крестными заслугами Спасителя. Она принимаетъ тотъ фактъ, что юридическая отвѣтственность человѣка снята этими заслугами.

Протестантизмъ, строго говоря, даже не религія, а философія, обращающая преимущественное вниманіе на религіозные вопросы. Прямымъ выводомъ изъ ее основныхъ положеній явилась нѣсколько позднѣе философія Фихте, Шеллинга, Гегеля.

Нашъ трудъ оконченъ. Мы его предприняли безъ всякой полемической цѣли и окончили съ глубокимъ сожалѣніемъ къ заблуждающимся братьямъ. Мы охотно отдадимъ дань нашего уваженія ко многому хорошему въ нихъ, свидѣтельницами чего является та же исторія. Она говоритъ, что принципы въ жизни никогда не найдутъ безусловнаго примѣненія, что они часто отступаютъ на задній планъ предъ требованіями обыденной жизни; она свидѣтельствуетъ, что и въ принципахъ одностороннихъ есть много хорошаго, чему обязано быть благодарно человѣчество. Охотно преклоняемся предъ великимъ столпомъ церкви, папою Львомъ Великимъ, отдадимъ дань уваженія ученому папѣ Николаю V, Адриану VI, мужу безукоризненной репутаціи, честному, набожному; Марцеллину II, котораго, по выраженію современниковъ, мнѣнью было „недостойно“ (онъ былъ папою 22 дня). Съ чувствомъ глубокой симпатіи относимся къ личности Франциска асизскаго, любвеобильное сердце котораго обнимало всѣхъ, заставляло послѣднюю рубашку отдавать ближнему. Мы съ уваженіемъ относимся къ глубокоученнымъ трудамъ протестантскихъ ученыхъ, къ ихъ работамъ въ области археологической, исторической, гомилетической и пр.

Мы уважаемъ принципъ свободы, положенный въ основу протестантизма, разорвавшей токовы схоластики.

Но больше основаній сожалѣть, что основные принципы насъ раздѣляютъ, что дружески протянутая рука не встрѣтитъ братскаго пожатія, что братскій призывъ не найдетъ отклика въ сердцахъ заблудшихъ. Впрочемъ, надъ этою разобщенностію въ послѣднее время блеснулъ лучъ надежды. Взоры Запада устремились въ ту сторону, въ которую они устремлялись предъ пришествіемъ Спасителя. „Свѣтъ съ востока!“ Еще въ 60-хъ годахъ докторъ Пьюзоль, членъ англійской церкви, открыто говорилъ: „Богу угодно вновь возбудить

любовь къ видимому единству и Онъ...., мы надѣемся, исполнить въ predetermined время эту молитву (молитву объ общемъ единеніи христіанъ), которой Онъ Самъ же научилъ. Изъ-за моря пронесся голосъ.... и мы вѣримъ, что это голосъ Того, Кто управляетъ морями и шумомъ ихъ волнъ и движеніемъ народовъ.“ Визиты, которыми обмѣнялись недавно представители Церкви православной и англиканской — архіеп. финдлянскій Антоній, съ одной стороны, и архіепископы — кентерб. Винкольсонъ и іоркскій, лордъ Маклаганъ — съ другой, усиливаютъ нашу надежду, укрѣпляютъ нашу вѣру въ то, что, дѣйствительно, угодно стало Богу, чтобы сердца заблудшихъ, скованныхъ до сихъ поръ холодомъ въ отношеніи къ намъ, растаяли и восприняли въ себя божественную любовь, какъ единственное основаніе единенія людей.

Основанія нашей надежды идутъ и съ другой стороны: старокаатолики приняли протянутую православными братьями руку общенія и, вѣримъ, въ недалекомъ будущемъ произойдетъ желанное единеніе.

Молитва православной Церкви „о соединеніи церквей“, которую она произноситъ болѣе 800 лѣтъ, услышана.

Преподаватель семинаріи свящ. Д. Матвѣевъ.